

ВИКТОР
ТОЧИНОВ

ПАСТЬ

ПАСТЬ
ЛОГОВО
СТАЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т64

Серия «БФ-коллекция»

Оформление художника *Николая Зубкова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Точин, Виктор Павлович

Т64 Пасть: Пасть. Логово. Стая : сборник / Виктор Точин.
— Москва: Издательство АСТ, Издательский дом
«Ленинград», 2018. — 880 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-111095-6

Много тысячелетий среди всех народов мира бытуют мифы и легенды о ликантропах, оборотнях, вервольфах — о людях, способных превращаться в опасных и почти неуязвимых хищников. Но когда за дело берется современная наука — легенда может обернуться кошмарной реальностью... Странные и страшные опыты проводят люди в белых халатах за глухими стенами засекреченных лабораторий.

И в одном из опытов происходит сбой. Тварь, бывшая когда-то человеком, — на воле. Стремительная косматая тень рассекает ночную мглу. Льется кровь и гибнут люди. Все чаще на пригородных пустырях находят растерзанные трупы. Новое звено в эволюционной цепочке доказывает клыками и когтями свое право на место в нашем мире...

Люди, ответственные за кровавую свистопляску, убирают следы и свидетелей, — и выжить в схватке с мостром еще не значит остаться в живых...

Мужество против свирепой всеокрушающей силы, ум против хитрости зверя, честь и воля против людской подлости и равнодушия...

Кто победит? Кто доживет до рассвета?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111095-6

© Виктор Точин, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПАСТЬ

*Автор до сих пор не определился с названием:
глагол это или существительное?*

Пролог

От закопченного капонира ударила очередь. Длинная, во весь магазин. Неприцельная, в никуда. Они не обратили внимания. «Буратино», наш носатый друг, работает без осечек. Это там просто почерневший труп с выжженными глазами пытается кому-то и зачем-то доказать — что еще жив.

Руслан, впрочем, повернул туда драгуновку, — но на том все и закончилось, труп угомонился. Капитан даже не обернулся, потому что Марченко снова вышел на связь.

— Ты меня слышишь, Капитан? Еще одна попытка штурма — и мы открываем клетки. Ты понял? **МЫ ОТКРЫВАЕМ КЛЕТКИ!** А потом идем на прорыв.

Блефует. На испуг берет херр профессор. Клетки дистанционно не откроешь, с кодовыми замками надо возиться вручную. Ну, и сколько вас после этого останется для прорыва? Сейчас там стволов десять, не больше... А *объекты* далеко не уйдут, не пугайте. Весь блок выстроен с таким расчетом — чтоб не ушли. Крепость, укрепления которой обращены внутрь. Но Марченко проговорился. Он не знает про группу Гнома. Не знает про туннель. Ничего не подозревает. Иначе они пошли бы на прорыв сейчас. Именно сейчас, когда наверху осталось восемь человек, включая их с Русланом. При таком периметре — прорвутся не напрягаясь. Другое дело, что далеко не уйдут. Но надо болтать, надо тянуть время...

— Послушайте, Марченко, — говорит он спокойно и доброжелательно. — Давайте не будем принимать поспешные решения. Потому что жалеть о них не придется никому — ни вам, ни нам... Некому станет жалеть. Давайте искать компромисс...

Словно в ответ на слова о компромиссе — слева, от котельной — несколько коротких очередей. Все-таки прорыв?! Нет, затихло... Просто нервы. Натянуты как струны — и у тех, и у других... Капитан продолжает:

— Давайте договариваться... Всегда можно найти приемлемый для всех вариант. Подумайте, Марченко. Поговорите с людьми. Так ли они хотят умирать?

Называя собеседника по фамилии, Капитан нарушал все инструкции. Псевдоним, всегда только псевдоним... Но сейчас это неважно, сейчас главное — как можно больше слов...

Марченко жестко рубит фразы:

— Вы знаете наши условия. Представителей власти сюда. Не меньше трех депутатов. Известных мне в лицо. Журналистов с камерами. Мы покажем все — и сдадимся. Не раньше и не позже.

Гадина... Будут тебе журналисты, будут камеры... Если бы не ты — эти тупые лбы вовек бы не догадались, что их ждет после закрытия Полигона... Черт возьми, почему молчит Гном?

* * *

Группа Гнома под землей. Девятнадцать человек. Перед ними препятствие — круглый, во всю трубу, металлический люк. Двести пятьдесят миллиметров броневой стали. Шипят два резака. Взорвать — быстрее, но люк ставили знатоки своего дела, предусмотревшие все. Они сами и ставили. Во все стороны от люка на три метра — такой же толщины броневая плита. Труба тонкая, вокруг — пльвун, чуть схваченный мерзлотой. А ни один направленный взрыв все сто процентов энергии в одну сторону не пошлет. Туннель просто исчезнет, а люк останется стоять. Заряды — два длинных, похожих на гробы ящика — для другого.

Они предусмотрели все. Кроме того, что придется штурмовать собственную цитадель. Хорошо одно — этот ход не известен съехавшему Профессору и его живорезам. Никак не должен быть известен...

Резаки шипят. Группа растянулась по туннелю. Диаметр — метр шестьдесят. Не разгуляешься. Не для прогулок прокладывали — для ухода в самом крайнем случае. Случай пришел, но приходится — входить.

Гном протискивается к люку — невысокий, широченный в плечах. Квадратный. Фонарь держит в далеко отставленной левой руке — ввевшаяся привычка. Будут стрелять на свет — пули пойдут мимо...

Резаки шипят. Режут не по кругу — овалом, только пройти самим и протащить заряды. И все равно — медленно, очень медленно

но... Белые пятна-кометы с остывающими красными хвостами еще не начали сближаться — ползут в стороны, к стенам туннеля. Хотя стен нет, потолка и пола тоже — труба.

Гном берет микрофон. Труба экранирует, передатчик в полутора километрах, на выходе из туннеля. Или на входе — это откуда смотреть. Туда змеится провод.

— Капитан, здесь Гном. Еще час. Как понял? Еще час! Тяни время, Капитан!

* * *

Капитан тянет время.

— Поймите, Марченко, я не могу решать такие вопросы. И не могу послать вертолет в Москву за депутатами... Я могу лишь гарантировать вам жизнь. Всем вам. Чистые загранпаспорта и десять тысяч подъемных на каждого. Не рублей. Деньги и документы готовы. Здесь готовы. С вас даже никто не возьмет никаких подписок. Вы можете рассказывать любые сказки. Кому угодно и где угодно, — кто вам поверит? Так или иначе, но Полигона больше не будет. Вы не опасны, Марченко... Сдавайтесь. Вам гарантируют жизнь.

Или ему показалось, или в голосе Марченко что-то дрогнуло:

— Ты лжешь, Капитан! Вы наобещаете нам что угодно, а живым не уйдет никто...

Ага... Да ты, гнида, не хочешь умирать. Вот такие гниды меньше всех хотят умирать. Тебе очень хочется, чтоб тебя переубедили, чтоб дали гарантии... Хорошо быть идеалистом и радеть за всех, — пока костлявая не взяла за горло. Может, мыслями ты и сейчас радеешь, а нутро твое дрожит, нутро подышать не хочет...

— Какие вам нужны гарантии, Марченко? Деньги и документы здесь. Вы можете послать одного из своих — пусть посмотрит и вернется...

Марченко не верит. Хочет, очень хочет поверить, — и не может.

— Нет, Капитан. В эти игры играй с другими. Наши условия прежние: депутаты и журналисты. На замках клеток мы установили дистанционные заряды. И если ты затеваешь какую-нибудь пакость...

«Заряды он установил... Сказочник... Да он детскую петарду из спичечных головок не установит, козел... И его полудурки тоже ловчее управляются со скальпелями, тряхомуды высоколобые...

Как только прорвемся в центральный блок, устроим им вивисекцию... Во всех подробностях. Неторопливо. Со вкусом...»

Но заговорил Капитан проникновенно и мягко:

— Генерал в курсе всех ваших требований... И не только он. Вы понимаете? Все решается не здесь и не нами. Но давайте будем реалистами, Марченко... Никто так сразу никаких депутатов сюда не потащит... Сначала прилетят генералы. Попробуйте договориться с ними. Вертолеты подлетят через два часа, не раньше...

Хреновый из него переговорщик, что и говорить... Но других нет и не будет. Не будет вертолетов с большими шишками в погонах. Незачем им знать про Полигон. Вместо них над лесотундрой найдут на атаку «крокодилы» — если группа Гнома не закончит все раньше. Бог знает, по какой срочно слепленной легенде Генерал выцарапал и перегнал сюда вертолеты огневой поддержки, и какое задание поставлено экипажам... Но это и не важно. Ми-24 — на самый крайний случай. Если Гном... Но что там у него, черт возьми...

Время шло.

* * *

Резаки замолкли. Шов медленно остывает. Группа готова к броску. Гном дает последние указания:

— Если в подвале никого — ставим заряды под клетками, таймеры на двадцать минут — и уходим. Но это едва ли. Если кто есть — кладем их и поднимаемся. ПББСы* у всех поставлены? После подвала — сами знаете, кому куда. Главное — клетки. Первым делом держим клетки. К ним не должен прорваться никто.

Гном не говорит, что случится, если кто-то из осажденных прорвется и вскроет замки. Не маленькие, сами понимают. Будет плохо. Тем более плохо, что спецпатронов у них нет, все спецпатроны остались в мятежном блоке. А обычные ничем не помогут. Ничем и никому.

Молчат, вопросов не задают. Все и так известно. Но командир перед началом должен еще раз повторить задачу — неписанный закон. Гном продолжает:

— Пленные не нужны — гасить всех. Вопросы есть?

Сзади, из темноты, коротко и деловито:

* П Б Б С — прибор бесшумной и беспламенной стрельбы. Порой весьма полезная штука.

— И Профессора?

— Всех — значит всех. И Профессора...

Гном проходит от люка назад, где восемь человек ухватились за ручки тяжелых зарядов. Всматривается в освещенные фонариком лица. Там, впереди, наверху, кроме прочих — шестеро парней из внутренней охраны. Свои ребята. Еще вчера — свои... Но все в порядке, на лицах никаких сомнений — наверху враги. Наверху — трупы. Не знающие, что тут затаилась их смерть, готовая к прыжку.

Он становится у второго заряда. Его место здесь. Командир впереди на лихом коне — лишь в фильме про Чапаева. Последний взгляд на прозрачный щиток, врезанный в крышку заряда. Под ним — тумблер и круглая ручка таймера. Полный оборот — двадцать минут. Повернуть полностью, дернуть тумблер — и у них двадцать минут, чтобы уйти как можно дальше. Половина оборота — десять минут. Четверть — пять.

Гном бросает в микрофон два коротких слова и говорит ставшую ритуальной фразу:

— Ну что, волчата? Никто не планирует жить вечно? Гулливер, давай!

Гулливер, согнувшись едва не вдвое, отводит для удара ботинок сорок седьмого размера. Люк чуть-чуть просел — как раз на толщину шва. Шов хитрый, прилагать чрезмерных усилий не надо — двухтонная овальная громадина замерла в неустойчивом равновесии. Сейчас будет немного шумно. Бронеплита рухнет с грохотом и дальше счет пойдет на секунды и терции...

Гулливер мощно вдохнул и...

* * *

Крохотная клипса в ухе ожила. Голос Гнома:

— Капитан, начинаем!

Ну вот и все. Конец переговоров. Но разговор не окончен. Надо отвлечь Профессора и тех, кто рядом с ним, отвлечь в последний раз. И он сказал первое пришедшее в голову:

— Марченко! Срочное сообщение! К нам вылетела комиссия, два часа назад. Смешанная — Минобороны и Академия Наук. Можете...

Капитан осекся — из клипсы донеслись звуки, заставившие замолчать и схватиться за рукоять пистолета. Единственного у них пистолета, заряженного *особыми* пулями.

...и люк не выпал с адским грохотом. Люк выпал почти бесшумно — так, с легким скрежетом. Потому что он ввалился внутрь — прямо на Гулливера. Даже не ввалился — был с силой выдавлен, стремительно вылетел... И дальше все пошло очень быстро.

Гулливер не успевает ни отпрыгнуть, ни даже крикнуть — короткий хрип, мягкий хруст — все кончено. Никто не ужасается, никто не спешит на помощь — потому что вместе к плитой к ним вваливается и кое-что другое...

Черная косматая тень выстреливает из мрака живым снарядом — передовая тройка опрокинута, смята — но пытается подняться лишь один — безуспешно, булькая рассеченным горлом. Тень уже среди них, в самой середине — стрелять нельзя, кругом свои — и они не стреляют, но только в первые секунды, обошедшие слишком дорого. Крики, стоны, хрипы. Короткий рык. Первая очередь — серия негромких хлопков. Потом — со всех сторон — те, кто еще жив. Туннель кишит свинцом. Пули рвут спертый воздух, ricochetят от стен. Пули убивают своих. Фонари брошены, фонари хрустят под ногами — света все меньше. Тень мечется окровавленной молнией. И, фоном — чей-то долгий крик — высокий, однотонный, пронзительный. Стрельба гаснет — магазины пустеют, менять некогда. И почти уже некому...

Гном бросает бесполезный автомат — тень не боится пуль. Кровь на глазах — лоб пробороzdило ricochetом. У него есть секунда, много две. К заряду! Щиток — четыре винта по углам, плексиглас полтора сантиметра. За спиной все заканчивается — слишком быстро. Гном бьет. Один удар, повторять некогда — кулак расплюсчен, под лопнувшей кожей — месиво. Но щитка больше нет. И тут же — убийственная хватка сзади, дикая боль в шейных мышцах. Пасть сжимается, позвонки хрустят. Он падает вперед, на заряд, пальцы здоровой руки — запредельным усилием — на рычажок тумблера. Дернуть сил нет. Все быстро меркнет.

Потом, когда Гнома безжалостно и стремительно рвануло назад, пальцы разжались — но через долю секунды. Рычажок замер вертикально — и медленно скользнул в другое положение. Всего рванувшегося наружу света и пламени уже не хватило, чтобы рассеять поглотившую Гнома тьму...

* * *

Два звена «крокодилов» уходили на запад, к Ижме. Центральный блок корчился в агонии. Что могло гореть — горело. Что не могло — превращалось в ничто в белом термитном пламени. Близко не подойти, стояли в отдалении, пальцы на спуске — на всякий случай. Если вдруг рванется из огненного ада охваченная пламенем стремительная фигура. Не рванулась — вертолетчики сработали чисто.

Конечно, кануло и то, что надлежало демонтировать и вывезти... Но снявши голову... В нескольких шагах от Капитана тлела пачка машинописных листов, прошитых толстой суровой нитью — не иначе выбросило волной при первом заходе, когда ракеты «воздух-земля» вскрывали бетонные стены блока, прогрызая путь к главной цели. К клеткам.

Подошел, загасил, поднял — от штампа на титульном листе остался лишь край синей рамки и буквы: «...НО». Секретно. А то и совсекретно. Фамилии авторов уцелели: Марченко и Черноречкий. Посмертный труд Профессора... Сунул за пазуху — негоже секретным документам валяться где попало...

У останков блока делать нечего. Капитан медленно пошел туда, где полтора часа назад земля вспучилась и опала гигантским нарывом — над туннелем. Над люком. Над группой Гнома.

* * *

В двухстах метрах — воронка, вокруг — желтоватый глинистый вал. Там не уцелел никто. Даже теоретически никто не мог спастись при взрыве в такой трубе. Это все равно что выжить, сидя в пушке главного калибра линкора, — при выстреле.

Капитан снимает сферу, короткие волосы слиплись от пота. Дорого им обошелся сумасбродный дурак Марченко...

Вдруг — боковым зрением — какое-то движение. Развернулся прыжком — на склоне земля шевелится, слегка бугрится, осыпается желтый суглинок. Словно на поверхность пытается выбраться растревоженный взрывом крот... Крот?

Лапа. Окровавленная лапа с пятью длинными, хищно загнутыми пальцами — слишком длинными для любого зверя. Капитан ошалело смотрит, как слепо скребут землю острые когти... Но рука знает свое дело, рука ныряет за пистолетом сама, не дожидаясь команды мозга.

Пули буравят землю — вглубь, туда, где кошмарный хозяин кошмарной лапы. Мерзлый суглинок разлетается в стороны и в какой-то момент Капитан понимает, что перед ним лишь оторванная кисть — белеют обломки кости, обрывок мышцы судорожно сокращается... Приставляет дуло почти вплотную и тремя последними патронами разносит страшноватую находку. Потом старательно вдавливают каблуком в грязь подергивающиеся ошметки. Отходит задом, не отрывая взгляда от воронки — но там тихо. На этот раз все закончилось. На этот раз...

Задание выполнено, можно докладывать Генералу.

Полигона больше нет.

Здесь — больше нет.

Часть первая

ВЕСНА: ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЛИКАНТРОПИИ

Место действия

Издавна невезучей деревней было Редкое Кузьмино. Старинной и невезучей.

Вроде рядом, пешком дойти — и Санкт-Петербург, и Царское Село, и тракты на Ригу, Варшаву, Киев, — но только рядом. А Кузьмино — в стороне. На отшибе. Двадцать верст от столицы — провинция. Глушь. Дыра. Безвестность...

Судьба редкокузьминцев не баловала. И если попадали они на страницы истории — повод тому бывал самый гнусный...

Например: в октябре семнадцатого схватились у деревни мятежные казаки Краснова-Керенского с усмирявшими их балтийскими матросами. Или, если глянуть по-другому, — мятежные матросы с усмирявшими казаками.

В исторические книги за этот факт Редкое Кузьмино хоть одной строчкой, да попало. Ценою славы оказались выметенные под ноль припасы да подпаленные амбары с сараями...

А в Великую Отечественную — и того хуже. Так уж остановился под Ленинградом фронт, что передовая прошла по Редкому Кузьмину, — и простоял всю блокаду.

Деревни не стало. Что не сожгли снаряды и бомбы — раскатали немцы на перекрытия блиндажей и землянок; жителей, понятно, из фронтовой полосы угнали на работы в Германию.

Мало кто сумел вернуться и восстановить родное пепелище. На всю деревню осталось четыре жилых дома. И Редкое Кузьмино ликвидировали, зачеркнули на карте — превратили в одноименную улицу соседнего поселка — Александровской.